

ЖИЗНЕННАЯ РЫВОК

ЕГОР БУНИН

18+

Егор Бунин

Живая руда

«Автор»

2026

Бунин Е.

Живая руда / Е. Бунин — «Автор», 2026

Под полярным ледником есть шахты, из которых людей давно следовало вывести. Но империи нужна руда. Сирин Вейл — врач штрафного гарнизона с изуродованной рукой. Когда из глубин прорывается нечто, способное превращать плоть и металл в единую живую ткань, ей вживляют боевой каркас погибшего штурмовика. Теперь машина слушается ее нервов. А то, что живет под шахтами, начинает узнавать ее. Пока Сирин и капитан Кейн спускаются все глубже в заброшенные горизонты, из столицы приходит другой приговор: гарнизон признан отработанным материалом. Спасательной операции не будет. Всех свидетелей необходимо уничтожить. Внизу их ждет живая руда. Наверху — армия собственной империи. А между ними остается несколько десятков людей, которым впервые нечего терять. «Живая руда» — жесткая боевая фантастика о подледной крепости, живом металле, военных машинах и людях, которых государство слишком рано списало со счетов.

© Бунин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АКТ I: ПРИТИРКА И ЖЕЛЕЗНЫЙ КРЕСТИТЕЛЬ	5
ГЛАВА 1: ИНВЕНТАРНАЯ ОПИСЬ	5
ГЛАВА 2: ЖЕЛЕЗО ПАВШИХ	9
ГЛАВА 3: ЦЕНТР ВЫХОДА	13
ГЛАВА 4: ПРОШИВКА ПО ЖИВОМУ	15
ГЛАВА 5: КАЛИБРОВКА НА КРОВИ	17
ГЛАВА 6: ТРЕЩИНА В НУЛЕВОМ	20
ГЛАВА 7: В ЖЕРЛЕ ШУРФА	23
ГЛАВА 8: ОБРАТНЫЙ УДАР	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Егор Бунин

Живая руда

АКТ I: ПРИТИРКА И ЖЕЛЕЗНЫЙ КРЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВА 1: ИНВЕНТАРНАЯ ОПИСЬ

Пилить кость без нормального упора — это впустую переводить зубья полотна.

Лазаретный стол в пятом отсеке перекосило еще в октябре, когда на горизонте лопнула крепежная балка и пол просел на три пальца к дренажной канаве. Каждый раз, когда я подавала лучковую пилу вперед, дубовые плахи стола гулко стучали по базальтовой плите: *стук, стук, стук*. Этот глухой деревянный звук отдавался в висках мелкой, нудной болью, как застрявшая в десне дробинка.

— Дави на прижим, Лика, — сказала я, не поднимая головы.

Пар из-под марлевой повязки бил прямо в переносицу, оседая на ресницах колючей, липкой росой.

Санитарка Лика — девчонка из ноябрьского штрафного этапа, которую сослали сюда за воровство казенного сукна с вещевых складов, — навалилась на обрубок бедра солдата обеими руками. Ее вязаные рукавицы без пальцев уже промокли насквозь и потемнели от остывающей, бурой жижи. Руки у нее ходили ходуном.

— Госпожа Сирин... он синеет, — выдохнула она в воротник. Ее зубы выбивали частую, дробную чечетку. — Под глазами уже пятна. Как у того, с третьего шурфа.

— Пусть синеет. Пока надкостницу не пройду — держи. Соскочит полотно — вспорю бедренную вену выше лигатуры. Хочешь отмывать этот стол кипятком? У нас солярки на растопку котла осталось на два часа.

Лика всхлипнула носом, но навалилась тяжелее, уперев острый подбородок в засаленный ватник раненого.

Парень на столе не реагировал.

Его звали Малыш Юра — подрывник из второй штольни. Три часа назад его придавило двухтонной плитой мерзлого сланца, когда в нижнем забое сорвало гидрораспорку. Таз был смят в лепешку, правая нога представляла собой месиво из войлока штанов, осколков берцовой кости и мерзлой грязи. Он даже не кричал, когда его втаскивали в лазарет: шок сожрал чувствительность еще на погрузочной платформе. Сейчас его зрачки были расширены до самого края радужки, неподвижные, черные, отражавшие тусклый, коптящий язычок керосиновой копилки на стене.

Моя правая рука не работала.

Она висела вдоль фартука из грубой прорезиненной парусины — бесполезный, ноющий кусок мяса. Три года назад, во время бунта на столичном пересыльном пункте, конвойный офицер наступил мне кованым сапогом на запястье и провернул каблук. Локтевой нерв превратился в кашу, сухожилия глубоких сгибателей срослись в один толстый, немой рубец. Пальцы скрючило внутрь, как птичью лапу; стоило температуре в операционной упасть ниже нуля, как предплечье начинало крутить тупой, выламывающей судорогой.

Всю работу делала левая.

Я зажала пилу в кулаке, уперлась основанием ладони в костный спил и сделала еще четыре коротких, резких движения.

Вжик. Хруст. Вжик.

Зубья зацепили надкостницу с противным визгливым скрипом. Запахло жженым фосфором, кислым застарелым потом и хлорной известью.

Последний хрящевой мостик лопнул. Опиленная конечность с глухим, мягким звуком шлепнулась в оцинкованное корыто под столом.

— Зажим, — бросила я, бросая пилу на брезент.

Пальцы левой руки действовали на автомате. Три года штрафного лазарета выбили из меня столичную аккуратность: здесь не зашивали послойно, здесь не делали красивых культей под протезы. Задача была одна — перехватить магистральный сосуд, завязать узел морским узлом из просмоленной льняной нити и вышвырнуть человека на нары, освобождая место для следующего куска мяса.

Я нащупала пальцем пульсирующую глубину раны. Холодная сукровица толчками заливала ногти. Зажим из грубой вороненой стали щелкнул на сосуде со второго раза.

Нить. Петля. Затянуть зубами.

Вкус старого железа и соленой грязи на губах. Привычный. Будничный. Словно пьешь остывший чай из жестяной кружки, которую забыли вымыть после вчерашней смены.

Где-то над головой, сквозь четыреста метров монолитного ледника, глухо и тяжело ухнуло.

Это был не фугас. На Шельфе не было снарядов, способных пробить такую толщу. Это лопнул наст на Втором карнизе — гигантская ледяная линза объемом в сотни тысяч кубометров просела под собственным весом, сдвинув базальтовые пласты.

С потолка лазарета, сквозь щели между бревенчатыми накатами, посыпалась сухая серая известка. Она тихо зашуршала по парусине моего фартука, оседая на открытой ране Малыша Юры белесыми точками. Керосиновая лампа качнулась на проволочном подвесе, вытягивая тени на закопченной стене в длинные, дергающиеся черные полосы.

А затем по переборкам коридора ударили ломом.

Удар. Пауза. Удар. Пауза. Удар.

Три коротких, тяжелых звона.

Лица замерла, не убирая рук с мертвого бедра. Глаза ее стали круглыми, белыми.

— Третий рубеж... — прошептала она, и губы ее посинели окончательно. — Госпожа Сирин, это третий... Они шлюз закрывают. Внешний шлюз на нижнем горизонте.

— Я слышу, — ответила я, затягивая второй узел на артерии.

Узел лег криво — нить перетерлась о зазубрину зажима, но держала. Юра под моими руками больше не дышал. Грудная клетка ввалилась, из угла рта вытекла тонкая струйка черной, несвернувшейся крови.

Я положила ладонь ему на шею. Пульса не было. Полая сонная артерия даже не дрожала.

— Записывай в журнал, — сказала я, срывая зубами парусиновый нарукавник с левой руки. — Номер жетона четыреста шестнадцать. Причина — травматический шок, размозжение костей таза. Корыто вынеси в карстовую щель за шестым пикетом. Только не ставь у дверей — там интендантские ходят, опять орать будут, что пол загажен.

Лица не двигались. Она смотрела на входную дверь лазарета.

Дверь не распахнулась с треском.

На Шельфе железо берегли: петли на тяжелых створках из двухдюймового листовенничного бруса, обитого полосовым железом, провисли от вечной сырости, поэтому человек снаружи просто навалился на полотно плечом.

Дверь с противным, долгим скрипом подалась внутрь, скребя нижним краем по каменным плитам пола.

В проеме стоял Кейн.

Он был без защитного шлема — только шерстяной подшлемник грубой вязки, заправленный под воротник толстого суконного полушубка. Полушубок был расстегнут. Под ним

виднелся засаленный кожаный корсет осадного каркаса «Молох», стянутый на груди четырьмя титановыми ремнями с грубыми латунными пряжками.

Из-за его плеч, пробивая кожу и ткань комбеза, поднимались четыре круглых порта центрального распределителя. Вокруг них плоть Кейна давно потеряла сходство с человеческой: она огрубела, пошла сизыми, чешуйчатыми наростами, а вдоль шеи, поднимаясь к левому уху и виску, ветвилась густая сетка темно-серых сосудов. Металлическая петрификация. Руда внутри его костей медленно, неделю за неделей, заменяла кальций ртутным титаном.

Его левый глаз был мертв — зрачок затянуло плотной серебряной пленкой, сквозь которую не пробивался свет. Но правый — мутно-серый, цвета колотого речного льда — смотрел остро, тяжело и абсолютно трезво.

От него несло морозом, пороховой гарью и тем самым тошнотворным, сладковатым запахом живого Разлома, от которого во рту появлялся металлический привкус, а зубы начинали мелко ныть в деснах.

— Где Тален? — спросил он.

Голос Кейна не был громким. Он звучал низко, с дребезжащим механическим призвуком, словно воздух из его легких проходил через забитую ржавчиной медную сетку.

Я стянула вторую перчатку, бросив ее прямо на остывающий живот Юры.

— В холодном боксе, — ответила я, глядя ему в переносицу. — Лежит на перфорированном столе. Он без сознания с полудня, Кейн. Температура сорок один и пять, рефлексов нет. Ствол мозга залит сукровицей.

Кейн шагнул через порог.

Кованые набойки на его тяжелых сапогах выбили из плит короткий, звенящий щелчок. Лица в углу вжалась в бревенчатую стену, подтянув колени к груди и закрыв лицо грязным подолом фартука.

— Он держит контур? — Кейн остановился у края операционного стола, скользнув взглядом по мертвому подрывнику. На лице командира клина не дрогнул ни один мускул. Для него труп штрафника значил не больше, чем пустой ящик из-под аммонала.

— Каркас держит его, — я подошла к оцинкованному ручкомойнику, повернула кран. Вода пошла мутная, рыжая от ржавчины, с ледяными иглами. Я сунула пальцы под струю, смывая липкую кровь. Кожу обожгло холодом. — «Веретено» заблокировало нижние порты. Оно считает, что тело еще функционирует, и продолжает гнать стимуляторы по малому кругу. Если я сниму шейные шины сейчас, сердце Талена разорвется от перегрузки за три секунды.

— Значит, не снимай.

Я вытерла мокрые руки о бедра.

— Что значит «не снимай»? Ты пришел смотреть, как твой брат подохнет в железе?

Кейн медленно поднял правую руку. Пальцы в толстой кожаной перчатке без пальцев были испачканы свежей графитовой смазкой. Он указал на меня — прямо в середину груди, туда, где под серым шерстяным свитером у меня билось сердце.

— Ты пойдешь в «Веретено», Сирин.

В лазарете стало слышно, как в углу, в цинковое ведро, мерно и тяжело капает вода из лопнувшей трубы отопления: *кап... кап... кап...*

Я коротко, сухо усмехнулась. Смех вышел скрипучим, злым.

— Ты спятил от угара в своих шурфах, командир. Или титан наконец пророс тебе в лобную долю?

Я подняла правую руку, вывернув ее к свету копилки. Пальцы висели скрюченными когтями, кожа на запястье была белой, мертвой, рассеченной глубоким пятидюймовым шрамом от конвойного сапога.

— Посмотри сюда, Кейн. Я калека. Я не могу удержать даже кружку с кипятком, если в ней больше трех глотков. Я прозектор. Я режу тех, кого ты притаскиваешь из забоя, и зашиваю дыры в брюшине, пока они не начали вонять. Я не пилот.

Кейн сделал шаг вперед.

Дистанция между нами исчезла. Он был выше меня на две головы, шире в плечах вдвое из-за накладных щитков каркаса. От него исходил сухой, неестественный жар — температура тела носителей тяжелых симбиотов в активном режиме зашкаливала за сорок градусов. Их плоть медленно варилась в собственном соку, сжигая ресурсы со скоростью топки бронепоезда.

Он протянул руку и схватил меня за запястье покалеченной руки.

Хватка была железной. Не яростной — расчетливой, механической. Пальцы Кейна сжались точно на рубцовой ткани, вдавливая омертвевшие сухожилия в лучевую кость.

Боль прострелила предплечье до самого плечевого сустава, резкая, как удар электрического ската. Я стиснула зубы до хруста, но не отшатнулась и не отвела глаз.

— Твоя кисть мертва, — прохрипел Кейн, глядя мне прямо в лицо своим мутным, серым глазом. — Но нервный ствол выше локтя цел. Я смотрел твою медицинскую карту в комендатуре. Твой индекс нервной проводимости — сорок шесть единиц. У Талена было сорок три. У меня — сорок пять.

Он сжал пальцы сильнее. Я почувствовала, как под его кожей твердеют титановые нити, проросшие в подушечки пальцев.

— «Веретену» плевать на твои разорванные связки, доктор. Оно не крутит шестеренки руками. Оно берет импульс из двигательной коры через шейные филаменты. Каркас сам станет твоими сухожилиями. Он сожмет твои пальцы так, что ты сможешь вырывать звенья из якорных цепей.

— А если проводимость сорвется? — я говорила сквозь зубы, чувствуя, как по виску ползет капля холодного пота. — Если мой мозг даст обратный импульс на сегмент С7?

Кейн дернул углом рта. Это не было улыбкой. Мышечный спазм стянул чешую на его левой щеке в уродливую складку.

— Тогда каркас решит, что носитель погиб от декапитации, и схлопнет шейные кольца внутрь. Твоя голова останется в шлеме, а тело сползет на настил. Но до этого ты успеешь спуститься в шестой шурф и перекрыть заслонку термитом.

Он разжал хватку. Моя рука бессильно упала вдоль бедра, пальцы закололо миллионом мелких раскаленных иголок — кровь с трудом пробивалась сквозь пережатые сосуды.

— Внешний контур прорван, Сирин, — Кейн говорил тихо, и в этой тишине сквозила тяжелая, абсолютная пустота человека, знающего расписание собственной казни. — Твари уже на нулевом уровне. Они забили вентиляцию шестого сектора своими телами. Если мы не перекроем перемышку до полуночи, холодный туман пойдет в жилые бараки. К утру здесь будет минус сорок пять. Без каркасов, без людей, без лазарета.

Он повернулся к выходу, бросив через плечо:

— Бери распатор, долото и костные кусачки. Мы идем резать Талена, пока его позвоночник еще теплый. Если опоздаем — порты заклинит трупным очечением, и мне придется выбивать их из его костей кувалдой вместе с кусками спинного мозга. Пошли.

ГЛАВА 2: ЖЕЛЕЗО ПАВШИХ

Коридор, ведущий в холодный бокс, прорубили прямо в толще базальта еще во времена первой волны ссыльных. Здесь не было дощатых настилов — под сапогами хлопала сукровичная ледяная каша, перемешанная с кварцевым отсевом.

Каждые десять шагов в потолке скалились квадратные раструбы вентиляции. Из них не дуло свежестью. Тянуло тяжелым, неподвижным духом вымороженного камня, кислым запахом серы и тем специфическим сладковатым смрадом, который появляется в закрытом цинковом гробу на третий день.

Кейн шел впереди.

Его тяжелый шаг выбивал из скалы мерный, чугунный звон. Из-за скошенного влево корпуса он казался хромым, но это была не хромота — так двигаются люди, у которых становой хребет намертво спаян с трехпудовой балкой противовеса. Под его засаленным свитером, прямо сквозь толстую шерсть, угадывались рельефные шишки титановых портов. Вокруг них ткань потемнела от вьевшейся смеси пота, машинного масла и бурого экссудата, который тело выделяло в тщетной попытке вытолкнуть металл наружу.

Я шла следом, прижимая к ребрам парусиновый рулон с инструментами.

Холод пробирал сквозь тонкое сукно штанов. Моя покалеченная правая рука была засунута в глубокий карман фартука; пальцы свело судорогой так сильно, что ноготь большого пальца впился в мякоть указательного до крови, но я даже не попыталась ее расправить. Бесполезно. Пока связки не прогреются в кипятке, кисть останется деревянной.

— Сколько Тален провел в железе? — спросила я в его широкую, обтянутую броней спину.

— Четыре месяца, — бросил Кейн, не сбавляя шага. — Его взяли в ноябре. На третьем уступе тогда пробило термитник, и во второй роте легли все легкие каркасы. Ему не было двадцати.

— Он не прошел даже первичной адаптации.

— На Шельфе нет адаптации, доктор. Есть норма выработки руды и глубина зачистки. Ему залили филаменты за сорок минут до выхода в забой. Парень выдержал четыре рейда. Для легкого каркаса это хороший ресурс. Большинство сгорает на втором: сердце не выдерживает обратной тяги, когда симбиот требует кислорода втрое больше объема легких.

— Ты говоришь о нем как о списанном паровозе.

Кейн остановился так резко, что я едва не впечаталась лицом в его осадную кирасу.

Он обернулся через плечо. Его здоровый серый глаз был налит желтоватой мутью — печень не справлялась с солями титана, вымываемыми в кровь. А серебряный белым левого глаза в полумраке коридора тускло ловил отблеск висящей на стене керосинки, похожий на каплю олова, упавшую в золу.

— Если я начну думать о нем как о брате, Сирин, — проскрипел он, и его челюсть с металлическим наростом дернулась, — я сяду на этот пол, приставлю карабин к подбородку и нажму спуск большим пальцем ноги. Ты этого хочешь? Хочешь остаться здесь одна, когда передовые твари полезут из шурфа в твой лазарет?

Я встретила его взгляд в упор, не опуская подбородка.

— Я хочу, чтобы ты помнил: каркас, который мы снимем с его трупа, помнит его нервную систему. Если ты думаешь, что «Веретено» примет меня только потому, что у меня высокий индекс проводимости, ты идиот, капитан. Броня попытается сжечь мне моторные центры просто по инерции отторжения.

— Значит, ты ломаешь ее инерцию, — отрезал он и толкнул тяжелую дверь холодного бокса.

Бокс представлял собой тупиковую выемку в скале, где температура круглый год держалась около минус десяти. На Шельфе не тратили солярку на морги: покойников складывали штабелями вдоль стен, пересыпая соляной крошкой, пока весенний ледник не вскрывал карстовые провалы, куда трупы сбрасывали сотнями.

Тален лежал на среднем верстаке.

Он был длинным, костлявым парнем с такими же резкими, хищными скулами, как у Кейна, но черты лица еще не огрубели от постоянной близости смерти. Кожа на его щеках была белой, почти прозрачной, сквозь нее явственно просвечивала паутина синих, спазмированных капилляров. Губы парня потрескались, в углах рта запеклась темная пена с ржавым металлическим запахом.

Он дышал.

Но это было не дыхание живого человека. Грудная клетка Талена не поднималась сама — ее ритмично, с коротким механическим щелканьем толкал внешний стальной корсет «Веретена». Каркас легкого класса был устроен тоньше тяжелого «Молоха»: узкие, матово-черные титановые шины оплетали его ребра, как пальцы мертвеца, сходясь на спине в единый гибкий гребень, увенчанный массивным затылочным распределителем.

Из-под этого распределителя прямо в шею парня уходили пучки филаментов — тонких, блестящих проводов из витого углеродно-титанового сплава. Кожа вокруг них была багровой, вздутой, покрытой мокнущими язвами, из которых сочилась густая смесь лимфы и черного машинного масла.

— Смотри на датчик давления в малом круге, — Кейн подошел к столу, снял с пояса аккумуляторный фонарь и положил его на край верстака. Луч выхватил круглый латунный циферблат, врезанный в поясничную секцию доспеха. Стрелка бешено вибрировала в красной зоне. — Он держит сорок атмосфер. Каркас запер клапаны. Он ждет команды на форсаж.

Я подошла к изголовью, положила пальцы здоровой левой руки на шею парня — туда, где между стальными кольцами оставалась полоска живой плоти.

Кожа была обжигающе горячей. Сорок один градус, не меньше. Но пульс под пальцами напоминал трепетание пойманной птицы: поверхностный, аритмичный, больше ста шестидесяти ударов. Спинной мозг парня агонизировал, заливаемый токами собственного симбиота.

— Он ничего не чувствует, — тихо сказала я. — Кора отключилась. Работает только продолговатый мозг на чистых безусловных рефлексах.

— Мне плевать, что он чувствует, — голос Кейна прозвучал глухо, словно из-под земли. Он встал с противоположной стороны стола, упершись тяжелыми кулаками в доски. — Мне нужно железо, Сирина. Чистое железо без обрывов жил. Если филамент порвется внутри канала, его придется высверливать алмазной коронкой, а у нас нет на это времени.

Я развернула парусиновый сверток на металлическом табурете.

Инструменты тускло блеснули в свете фонаря. Здесь не было тонких столичных ланцетов: тяжелый распатор с деревянной рукоятью из ясеня, изогнутое костное долото, слесарные пассатижи с удлиненными губками и кусачки Листона — мощные, с двойной передачей, способные перекусить человеческую ключицу в один нажим.

— Сними с него рубаху, — приказала я. — Разрежь по швам сапожным ножом. Не дергай за ворот — потревожишь шейный узел, и каркас замкнет на спинальный шок раньше, чем я успею завести распатор.

Кейн молча достал из-за голенища широкий тесак. Острие легко вошло в пропотевшую шерсть, распоров ткань от паха до горла.

Тело Талена обнажилось.

Оно было истощено до предела. Ребра выпирали сквозь кожу острыми углами, живот ввалился, превратившись в глубокую яму. Но вдоль позвоночника шла линия чудовищной, неестественной силы: черные титановые звенья «Веретена» вросли в остистые отростки так

глубоко, что кость частично выросла поверх металла, образовав бугристый, воспаленный гребень.

— Начиная с поясницы, — сказал Кейн, не глядя на лицо брата. Его пальцы на рукояти тесака побелели. — Там нижний штифт. Сбросишь давление в нижних сервоприводах — ноги перестанут бить по столу, когда начнешь резать шею.

Я взяла в левую руку распатор.

Правая рука в кармане фартука пульсировала тупой болью, но я вытащила ее наружу. Согнутые пальцы не могли держать инструмент, но я могла использовать предплечье как упор.

— Держи его за плечи, Кейн. Наваливайся всей массой. Когда я вскрою капсулу нижнего порта, начнется тетанус. Его выгнет дугой так, что он сломает себе поясницу о край стола.

Кейн не стал отвечать. Он просто шагнул вперед, перегнулся через верстак и навалился тяжелой грудной плитой «Молоха» прямо на лопатки брата, зафиксировав его шею предплечьем.

— Режь, — выдохнул он.

Я приставила плоский конец распатора к границе между кожей и нижней титановой плашкой в районе четвертого поясничного позвонка.

Кожа поддалась с влажным, плотным хрустом.

Из разреза брызнула не алая кровь — брызнула темная, вонючая жижа, в которой хлопьями плавали свернувшийся фибрин и серые капли машинного солидола. Запах ударил в ноздри: смесь гниющего мяса, формалина и паленой меди.

Тело Талена под Кейном взорвалось движением.

Ноги парня дернулись в судорожном рывке такой чудовищной силы, что металлический верстак с грохотом сдвинулся на два дюйма по каменному полу. Из горла умирающего вырвался низкий, вибрирующий вой — связки вибрировали на пределе, хотя легкие были почти мертвы. Каркас защищался. Он понял, что его отрывают от носителя, и пустил разряд по всей длине нервного ствола.

— Держи! — заорала я, наваливаясь всем весом на рукоять распатора, загоняя сталь глубже, под надкостницу.

— Режь, мать твою! — взревел Кейн. Мышцы на его шее вздулись канатами, серые металлические капилляры под кожей потемнели до черноты, из-под шейных портов его собственного доспеха с шипением вырвалась струя перегретого пара. — Режь жилу!

Я бросила распатор, схватила кусачки Листона.

Завела острые бранши под витой жгут первого филамента, уходящего в межпозвоночный диск. Металл провода сопротивлялся — углеродная оплетка скользила по стали инструмента.

Я сжала рукояти обеими руками: навалилась здоровой левой и накрыла ее мертвой, одеревеневшей правой, используя вес собственного плеча.

ХРУСТ.

Звук был похож на пистолетный выстрел в закрытом погребке.

Из перекушенного провода веером брызнули синие искры. Меня ударило статическим разрядом — по рукам до самых ключиц прокатилась жгучая волна, выбившая слезы из глаз. Но я не разжала пальцев.

Второй филамент. *ХРУСТ.*

Третий. *ХРУСТ.*

С каждым перекушенным кабелем тело Талена вздрагивало все слабее. Нижняя секция «Веретена» начала остывать на глазах: маслянистый, хищный блеск на ее звеньях тускнел, металл становился серым, мертвым, как обломок рельса, брошенный в сугроб.

Оставался затылочный узел. Самый опасный. Тот, где сходились двенадцать тончайших сенсорных игл, прошивавших ствол мозга.

Я перевела дыхание, вытирая окровавленным плечом пот со лба.

Кейн тяжело дышал, не поднимая головы с лопаток брата. Его лоб упирался в холодный базальт стены за верстаком.

— Он еще дышит? — тихо спросил он.

Я заглянула под край стола.

Глаза Талена были открыты. Они остекленели, потеряв всякую глубину, уставившись в заплесневелые доски настила. Зрачки больше не сужались от света фонаря. Но челюсть парня слабо, конвульсивно двигалась, словно он пытался поймать последний глоток ледяного воздуха Шельфа.

— Нет, Кейн, — сказала я, поднимая тонкое костное долото. — Он уже не дышит. Теперь это просто мясо, которое держит твою броню. Отойди на шаг. Я сниму замок сама.

ГЛАВА 3: ЦЕНТР ВЫХОДА

Кейн не отошел на шаг.

Он просто выпрямился, не убирая ладони с мертвого затылка брата. Его пальцы погрузились в мокрые от пота и бурой жижи волосы Талена, нащупывая круглый титановый обод затылочного замка. Металлическая чешуя на скуле командира мелко вздрагивала: его собственное железо протестовало против близости разрываемого контура. Паразитные токи били в воздух — в сухом, промороженном пространстве бокса запахло озоном, шерстяной ворс свитера на груди Кейна потрескивал от статики.

— Замок двойного запираения, — сказал он. Голос звучал тупо, бесцветно, словно он зачитывал ведомость расхода пороха. — Если вскроешь внешний лепесток без отсечки масляного клапана — заклинит пружины обратного хода. Иглы оторвутся в надкостнице.

— Я знаю, как устроен этот узел, Кейн, — я присела на край табурета, чтобы глаза были на уровне шеи трупа.

Пальцы левой руки были липкими от лимфы Талена. Я обтерла ладонь о парусиновый фартук, оставив длинную черную полосу, и взяла узкое долото.

— Мой отец перечерчивал этот замок четыре раза, когда столичные интенданты требовали удешевить производство на треть. Он убрал бронзовые направляющие и заменил их прессованным цинком. Цинк крошится при температуре ниже нуля. Знаешь, почему Тален потерял управление?

Кейн молчал. Серебряная пленка на его мертвом левом глазу во тьме казалась замерзшей плешкой свинца.

— Потому что сбросной клапан обледенел в забое, — я подвела острие долота под крошечный винт в основании затылочного гребня. — Горячий конденсат из малого круга попал на цинковую шайбу. Она лопнула, осколки забили канал третьей иглы, и ток пошел в ствол мозга напрямую. Парень варился в собственном соку двое суток, пока ты тащил его наверх.

— Режь, Сирин. Хватит читать лекции над падалью.

Я приставила рукоять долота к своей ладони и коротко, резко ударила по ней основанием тяжелых костных кусачек.

КЛАЦ.

Цинковая шайба разлетелась на три части с сухим жестяным звоном.

Из-под титановой накладки брызнула тонкая, как волосок, струйка серного масла под давлением — прямо мне на щеку. Кожу моментально обожгло холодом и едкой химической горечью. Запахло аммиаком так сильно, что перехватило дыхание, в глазах встали слезы.

— Клапан открыт, — выдохнула я, утираясь локтем. — Теперь тяни на себя. Ровно по оси позвоночника. Никаких перекосов. Если сломаешь центральную иглу — каркас превратится в лом.

Кейн навалился на изголовье верстака.

Его пальцы — серые, с костяными наростами на фалангах — вошли в боковые пазы замка. Мышцы его спины под слоем «Молоха» натянулись, заставив пластины осадного панциря скрипнуть с сухим натужным треском.

— На счет три, — прохрипел он. — Раз... два...

ХРУП.

Звук был похож на то, как из мерзлой туши выдирают примерзший хребет.

Двенадцать титановых игл вышли из ствола мозга Талена одновременно.

Они вышли с глухим чавканьем, потянув за собой серые нити разрушенной нервной ткани и сгустки темной, спекшейся крови. Затылочный узел «Веретена» отщелкнулся от

черепа, издав долгий, затухающий электрический писк — конденсаторы сбрасывали остаточный заряд в пустоту.

Тело парня на столе мгновенно обмякло, словно лишившись костей.

Без жесткого внешнего скелета оно казалось неестественно плоским, маленьким, как тряпичная кукла, брошенная на настил. Голова безвольно свесилась набок, обнажив разорванную, кровоточащую дыру на затылке диаметром в три дюйма, из которой медленно вытекал мутный серый ликвор.

Кейн держал каркас в руках.

«Веретено» было тяжелым — сорок килограммов вороненого титана, углеродных тяг и тонких гибких ребер. В тусклом свете фонаря оно походило на скелет гигантского хищного членистоногого, вычищенный до блеска и готовый к новой охоте. Филаменты на затылочном распределителе мелко подрагивали — металл с памятью формы остывал на воздухе, скручиваясь в спирали, как живые черви.

— Оно чистое, — Кейн перевел дыхание.

Его руки в тяжелых перчатках мелко тряслись — не от жалости к мертвому брату, а от перенапряжения шейного узла. Его собственный «Молох» гудел на низкой, инфразвуковой ноте, требуя выхода тепла.

— Жилы целы. Ни одного залома. Тален берег железо лучше, чем свою шкуру.

— Положи его на настил, — я поднялась с табурета, чувствуя, как одеревенели колени. — Мне нужно промыть каналы спиртом. Если остатки его гноя попадут в мои порты во время стыковки, я сдохну от менингита через двенадцать часов.

Кейн бережно, почти с благоговением опустил каркас на сухой брезент у ног.

Затем он поднял глаза на меня.

Его единственный человеческий глаз горел лихорадочным, воспаленным светом. Титановые наросты на его шее под кожей пульсировали в такт биению сонной артерии — сорок ударов, сорок один, сорок два. Металл внутри него ждал сеанса связи. Он не мог войти в забой один: по столичным уставам осадный панцирь без прикрытия легкого каркаса был слеп в шурфах, как слон в карстовой щели.

— Ты готова, Сирин?

Я посмотрела на свою правую руку.

Мертвая кисть с согнутыми, синюшными пальцами висела неподвижно, не чувствуя холода бокса. Я вспомнила отца — главного инспектора Северной программы, которому подчиняли и шахтную проходку, и военные машины для Шельфа; его кабинет на третьем этаже министерства, пропахший ватманом, голландским табаком и чертежной тушью. Вспомнила, как он гладил меня по голове и говорил: «Наши машины совершенны, Сири. Они не ошибаются. Ошибаются только люди, которые пытаются заставить их работать на чувстве долга вместо чистого расчетного давления».

По официальным бумагам отца повесили на площади за то, что его расчетное давление не совпало с аппетитами столичных дивизионов.

— Я готова, — сказала я, срывая с шеи шерстяной шарф и расстегивая ворот свитера до самых ключиц. — Тащи каустик, Кейн. И найди что-нибудь, что я смогу зажать в зубах. Потому что когда ты начнешь вбивать нижние штифты в мой крестец, я оторву тебе ухо.

ГЛАВА 4: ПРОШИВКА ПО ЖИВОМУ

Боль началась не с прокола.

Она началась со звука.

Когда Брака — которого Кейн приволок из ремзоны за шиворот вместе с ящиком слесарных разверток — начал расширять костные каналы в моих позвонках, звук бура отдавался прямо во внутреннем ухе.

Вжс-жс-жс-клик. Вжс-жс-жс-клик.

Это было не сверление зуба. Сверло входило в остистые отростки четвертого и пятого поясничных позвонков, дробя губчатое вещество кости. Вибрация шла по черепной коробке, выбивая из глаз белые, ослепляющие сполохи.

Я лежала на животе на том же верстаке, где десять минут назад остывал Тален.

Мокрое от его сукровицы дерево жгло кожу щеки ледяным огнем. Мои запястья были притянуты к ножкам стола брезентовыми лентами в четыре оборота; во рту был зажат кусок просмоленного телефонного кабеля толщиной в два пальца. Я сжимала его челюстями так, что передние зубы крошились о медную жилу, наполняя рот вкусом мела и крови.

— Чисто идет, — сипел Брака где-то над моим крестцом.

От старика несло махоркой, кислыми щами и сырым железом. Его тяжелое дыхание колыхало волосы на моей шее.

— Кость у девки плотная. Не столичная гниль. Спица сидит мертво. Кейн, держи таз! Сейчас направляющую загонять буду!

Кейн навалился на мои бедра.

Его двухсоткилограммовый вес вдавил меня в плахи верстака так, что из легких вышибло весь воздух. Я не могла даже крикнуть — из горла вырвался лишь влажный, хриплый свист. Его закованная в титан рука легла мне на затылок, вжимая лицо в дерево с силой тисков.

— Терпи, Сирин, — прохрипел он прямо в мое ухо. Металлическая чешуя его щеки царапала мне висок. — Если дернешься — Брака срежет конский хвост. Останешься ссаться под себя до конца смены.

УДАР.

Брака вогнал первый нижний штифт «Веретена» в крестец обухом малого топора.

Мир исчез.

Осталась только вспышка белого, фосфорного пламени, взорвавшаяся в основании позвоночника. Мышцы спины свело такой чудовищной судорогой, что брезентовые ленты на моих руках затрещали. Я почувствовала, как сухожилия на покалеченной правой руке натянулись, готовые лопнуть; ногти здоровой левой содрали щепу с досок стола до мяса.

УДАР.

Второй штифт.

По ногам ударило раскаленным свинцом. Пальцы ног вытянулись в струну, суставы щелкнули.

— Нижний контур сидит! — заорал Брака сквозь шум в моих ушах. — Кейн, поднимай каркас! На шею его! Быстро, пока каналы не заплыли кровью!

Я чувствовала, как холодное, чужое железо ложится мне на спину.

Оно было тяжелым — нестерпимо, раздавливающе тяжелым. Титановые лапы «Веретена» обхватили мои ребра, вдавливаясь между костями. На груди щелкнули первые замки, выдавливая из легких последние остатки воздуха.

А затем пришла очередь затылка.

Кейн убрал руку с моей головы. Я попыталась вдохнуть, но в этот момент двенадцать игл распределителя коснулись обнаженной надкостницы у основания моего черепа.

Металл был ледяным. Промытый спиртом, он обжигал холодом открытую рану.

— Индекс проводимости — сорок шесть, — голос Кейна доносился словно сквозь толщу воды. — Давай, Сирин. Прими сигнал. Не блокируй моторную кору. Если сожмешь сосуды — мозг захлебнется.

— Входи... сука... — простонала я сквозь кабель, сжимая медь зубами до треска эмали.

Кейн нажал на затылочный замок сверху. Обеими ладонями. Всем весом своего бронированного тела.

ЩЕЛК-ХРУСТ.

Это не было болью.

Боль — это человеческое чувство. То, что вошло в мой мозг через ствол позвоночника, было чистым электрическим током напряжением в десять тысяч вольт.

Меня вышвырнуло из собственного тела.

В одно мгновение я перестала быть Сирин Вейл — прозектором штрафного лазарета с перебитой рукой. Я стала датчиком давления номер один. Я стала гидравлическим насосом малого круга. Я стала шестеренчатой передачей в правом плечевом шарнире.

В глазах вспыхнул аварийный интерфейс «Веретена» — не нарисованный на стекле, а выжженный прямо на сетчатке глаза синими, дергающимися рунами столичного кода:

СИМБИОЗ: АКТИВАЦИЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ СТВОЛА: 78%... 84%... 91%... ОБНАРУЖЕН ДЕФЕКТ ПЕРИФЕРИИ: ЛОКТЕВОЙ НЕРВ СПРАВА (ОБРЫВ) ПЕРЕНАПРАВЛЕНИЕ ИМПУЛЬСА: ОБХОДНОЙ ШУНТ ЧЕРЕЗ СЕГМЕНТ T1

Моя правая рука — та самая, мертвая, скрюченная рука — вдруг дернулась.

Внутри предплечья что-то с щелчком встало на место. Это не срослись мои жилы: это титановая шина каркаса, повинуясь сигналу из мозжечка, принудительно распрямила пальцы с сухим, механическим звуком разгибаемой пружины.

Сухожилия затрещали, старый рубец на запястье лопнул, выпустив струю густой венозной крови.

Но пальцы разогнулись.

Они были заключены в тонкие, сегментированные стальные ножны. Я послала мысль — короткую, злую, фантомную мысль сжать кулак.

КЛАЦ.

Стальные пальцы манипулятора сомкнулись на краю верстака с чудовищной, нечеловеческой силой. Двухдюймовая листовничная доска под ними разлетелась в щепки, брызнув сухими острыми иглами.

Я выплюнула телефонный провод. Губы были в крови, подбородок трясся, но я дышала.

Я дышала в такт работе внешнего компрессора на моей спине: *вдох — толчок привода, выдох — сброс давления.*

Кейн стоял надо мной.

Его лицо было серым от усталости, но в его единственном глазу горел страшный, торжествующий огонь. Он протянул мне свою руку — ту самую, где титан заместил плоть.

— Вставай, Сирин, — сказал он, и его голос больше не казался мне чужим.

Я слышала его не ушами. Я слышала его через затылочный узел — глухой, вибрирующий сигнал ведущего каркаса, замкнутого в одну сеть с моим «Веретеном».

— Вставай, — повторил он. — Шестой шурф ждет. Пора проверить, чему тебя учил твой повешенный отец.

ГЛАВА 5: КАЛИБРОВКА НА КРОВИ

Подняться с верстака было все равно что выдернуть себя из застывающего цементного раствора.

Когда я опустила ноги на настил, ступни в тонких парусиновых чунях отозвались чужой, искусственной твердостью. «Веретено» не дало коленям подогнуться: нижние сервоприводы взвыли сухим комариным писком, пружины в наголенниках мгновенно приняли на себя семьдесят процентов массы моего тела, заблокировав суставы с резким металлическим щелчком.

Я качнулась вперед.

Земля под ногами кренилась, как палуба в шторм. В затылке стоял тяжелый, раскаленный гул — словно туда залили расплавленный припой, который теперь медленно остывал, стягивая мозговые оболочки тугой, негнушейся коркой.

— Не сутулься, — Кейн подхватил меня за локоть живой правой рукой.

Его пальцы впились в ткань свитера чуть выше локтя. В месте контакта по моей коже пробежала волна колючего, ледяного холода — два симбиота обменялись паразитным импульсом. Интерфейс перед глазами дернулся, выдав строчку системных ошибок:

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ СВЯЗИ: «МОЛОХ-01» <-> «ВЕРЕТЕНО-04» ФАЗОВЫЙ СДВИГ: 0.14 СЕК. ТЕМПЕРАТУРА СУБСТРАТА: 38.6°C (НАРАСТАНИЕ ИНТОКСИКАЦИИ)

— Если будешь заваливать плечи внутрь, — продолжал Кейн, не глядя мне в лицо, — верхний хомут пережмет сонное сплетение. Упадешь в обморок через сорок шагов. Спину держи прямо. За тебя теперь работает хребтовая балка, а не твои дряблые бабьи связки.

— Мои связки три года шили твоих штрафников, капитан, — я с усилием оторвала левую ногу от пола.

Движение получилось дерганным, чересчур резким. Привод голени выбросил стопу вперед с такой силой, что кованый носок ботинка с хрустом выбил щепу из базальтовой плиты.

Я едва не потеряла равновесие, но правая рука — моя искалеченная, мертвая рука — среагировала сама.

Она метнулась в сторону, пальцы манипулятора раскрылись веером с сухим треском часовой пружины и намертво впились в чугунную стойку стеллажа с медикаментами. Металл смял жесть коробки с сухими бинтами, превратив ее в плоский блин.

Я замерла, глядя на свою кисть.

Тонкие титановые звенья плотно облегали атрофированные фаланги. Кожа под ними была синюшной, покрытой свежими ссадинами от резкого разгибания, но пальцы подчинялись.

Это не было человеческим усилием. Я не напрягала мышцы предплечья — их там почти не осталось. Я просто сформировала в голове образ: *разжать хватку на четверть дюйма.*

Клац-клац.

Сегменты послушно отошли назад. Жестянка выпала из пальцев, с дребезжанием ударившись о камни.

— Быстро схватываешь, — сплюнул под ноги Брака.

Старик сидел на корточках возле мертвого Талена, деловито срезая сапожным ножом уцелевшие ремни с его комбинезона — на Шельфе добро не пропадало.

— У девки нервы как струны на балалайке. Звенят, но держат. Кейн, дай ей шлем. Без дыхательного клапана она в шестом шурфе легкие выплюнет через пять минут. Там сейчас серная шапка висит плотнее, чем в дымоходе.

Кейн снял с крюка на стене шлем Талена.

Это была не столичная хромированная каска — это был глухой клепаный колпак из котельного железа с узким, в два пальца шириной, триплексом из мутного кварцевого стекла.

Снизу свисали два гофрированных резиновых шланга, уходивших в коробчатый фильтр на груди.

Кейн шагнул ко мне.

Он поднял шлем обеими руками. Его лицо оказалось в десятке сантиметров от моего. Я видела каждую пору на его серой, вымороженной коже, видела мелкие кристаллы соли, застрявшие в щетине на подбородке, и темную, запекающуюся корку вокруг титанового нароста на его левом виске.

От него пахло не просто гарью — от него несло тем самым первобытным, могильным холодом, который исходит от ледника перед сходом лавины.

— Наклони голову, — приказал он тихо.

— Сама надену.

— Наклони голову, дура. Затылочный шлюз шлема должен сесть на гребень «Веретена» в один щелчок. Если перекусишь направляющую — срежет иглу заземления. Ослепнешь на оба глаза.

Я стиснула зубы и опустила подбородок к груди.

Холодный металл шлема опустился на голову.

Тяжесть была давящей — не меньше пятнадцати фунтов чистого железа, навалившихся на шейные позвонки. Но в ту же секунду «Веретено» за моей спиной глухо щелкнуло: боковые опоры каркаса выдвинулись вверх, подхватив нижний срез шлема на титановые упоры. Вес исчез, перераспределившись на лопатки и таз.

Ш-Ш-ХРУСТ.

Затылочный замок захлопнулся.

Мир внутри шлема сузился до узкой полосы мутного стекла.

Запахло кислой резиной, старой медью и чужим застарелым потом — потом Талена, который умирал в этой железной коробке двое суток. Резиновая мембрана фильтра с хрипом прижалась к моим губам на каждом вдохе: *вдох — сопротивление клапана, выдох — влажный щелчок сброса.*

Перед глазами по мутному стеклу побежали зеленые фосфорные риски прицельной сетки:

ГЕРМЕТИЗАЦИЯ: ПОЛНАЯ КИСЛОРОДНАЯ СМЕСЬ: 19.4% (НОРМА) ВНЕШНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА: -12°C ПОДКЛЮЧЕНИЕ ВЕДУЩЕГО: «МОЛОХ-01» (ЗАХВАТ СИГНАЛА)

В правом нижнем углу визора замигала крошечная желтая точка. Кейн.

Я чувствовала его присутствие не только глазами. Внутри моего затылка, прямо в том месте, где иглы впились в кость, возникло мерное, низкое гудение — точно такое же, какое издает трансформаторная будка перед грозой. Его каркас начал транслировать мне свои двигательные параметры: угол наклона шага, остаток давления в гидросистеме, частоту сердечных сокращений.

Сорок два удара.

Его пульс был чудовищно редким, тяжелым, как удары копра по мерзлой глине.

— Оружие, — Кейн протянул мне укороченный шахтерский карабин со спаренным магазином.

Ложе было грубо обмотано просмоленной бечевкой, ствол укорочен до самого газового узла. Оружие весило фунтов восемь, но когда моя правая механическая рука сомкнулась на шейке приклада, веса я не ощутила вовсе. Привод запястья заблокировался с глухим металлическим щелчком, превратив оружие в прямое продолжение стального предплечья.

— Патронов сорок штук, — сказал Кейн, передергивая затвор своего карабина. — Калибр одиннадцать миллиметров, свинцовая пуля в медной рубашке. Против крупных тварей

бесполезно — шкуру не пробьет. Целься в сочленения лап или в брюшные мешки, там, где выходит соль. Одиночными. Поняла?

— Поняла, — мой голос внутри шлема прозвучал гулко, плоско, с неприятным жестяным эхом. — Сколько до шестого шурфа?

— Триста шагов по главному штреку, потом вниз по аварийному трапу на двадцать метров.

Кейн повернулся к тяжелой двери, обитой полосовым железом. На его спине ожил «Молох»: из дренажных трубок между лопатками вырвался короткий султан сизого пара, тяжелые наплечники опустились на четверть дюйма, входя в боевой замок.

— Брака, держи дверь на засове, — бросил командир через плечо. — Если через сорок минут не вернемся — глуши вентилятор шестого горизонта и заливай ствол жидким стеклом. Понял?

Старик медленно поднял единственный глаз от мертвого Талена. На его морщинистом, изрытом оспой лице не было ни страха, ни жалости — только усталая, бесконечная злоба человека, который слишком долго живет взаимы.

— Понял, командир, — Брака сплюнул под верстак темную табачную слюну. — Не впервой за вами дверь заколачивать. Шевелитесь. В трубах уже скребутся.

ГЛАВА 6: ТРЕЩИНА В НУЛЕВОМ

Главный штрек сектора «Б» встретил нас тишиной, от которой закладывало уши.

Это была неправильная, мертвая тишина. Обычно здесь круглые сутки вибрировал воздух: работали поршневые насосы водоотлива, скрипели тросы подъемных клетей, ругались матом штрафники, катившие тяжелые чугунные вагонетки со сланцем.

Сейчас насосы молчали. Под ногами стояла черная, маслянистая вода глубиной по щиколотку; тонкая ледяная корочка на ее поверхности ломалась под нашими сапогами с хрустальным, отчетливым звоном: *хрусь... хрусь... хрусь...*

Кейн шел впереди, держа карабин у бедра.

Его тяжелый шаг вздымал фонтанчики грязных брызг, которые моментально замерзали на рифленых щитках его наголенников. Я шла след в след, в двух метрах за его правым плечом.

ДИСТАНЦИЯ: 2.1 М ТЕМПЕРАТУРА СРЕДЫ: -18°C КОНЦЕНТРАЦИЯ СЕРОВОДОРОДА: ОПАСНО (ПРЕВЫШЕНИЕ В 4 РАЗА)

«Веретено» работало плавно, но эта плавность пугала.

Я не чувствовала веса собственного тела. Казалось, будто я парю в нескольких дюймах над ледяной жижей, а всю работу по перемещению массы выполняют стальные рычаги за моей спиной.

Но плата за эту легкость бралась каждую секунду: затылочные иглы пульсировали мелкой, сверлящей болью, виски сдавило тугим железным обручем, а во рту нарастал противный, тошнотворный привкус жженого волоса и серы. Мой мозг отчаянно сопротивлялся вторжению чужой телеметрии, но каркас не спрашивал разрешения — он просто вбивал двигательные импульсы прямо в кору.

— Внимание, — раздался в наушниках шлема голос Кейна. Звук прошел через прямой проводной канал нейро-моста, чистый, без помех эфира. — Первая заставка.

Мы вышли на расширение штрека — так называемый «разъезд номер четыре».

Здесь путь раздваивался, огибая массивную гранитную целину. У стрелочного перевода стояла караульная будка, сколоченная из толстых шпал. На мешках с песком перед ней скалился станковый пулемет.

Людей в будке не было.

Точнее, они были, но людьми их назвать уже было нельзя.

Двое стрелков из комендантской роты сидели у амбразуры, привалившись спинами друг к другу. Их винтовки лежали на коленях, затворы были взведены.

Оба были покрыты толстым, белым слоем соляного инея — не того мягкого снега, что падает с неба на материке, а плотной, кристаллической корки, похожей на застывший сахарный сироп.

Иней прорастал сквозь сукно их шинелей, сквозь меховые шапки, сквозь кожу лиц.

У одного из караульных — молоденького парня с редкими светлыми усиками — рот был широко распахнут в беззвучном крике. Из его гортани, разрывая щеки и нижнюю губу, поднимался сrostок острых, прозрачных кристаллов размером с ладонь. Они слабо, фосфоресцирующе мерцали во тьме бледным, ядовито-зеленым светом.

— Осколочный иней, — сказала я, останавливаясь у бруствера. Моя механическая рука сама легла на рукоять карабина, пальцы сжались на спусковом крючке до упора шептала. — Они вдохнули аэрозоль из вентиляции?

— Нет, — Кейн подошел к трупам вплотную, наклонился, разглядывая кристаллы. — Аэрозоль убивает медленнее, легкие плавятся часа три. Их ударили иглой с дистанции. Смотри на затылок старшего.

Я присмотрелась сквозь мутный триплекс.

У второго солдата в основании черепа зияла круглая, оплавленная дыра диаметром в дюйм. Вокруг нее не было крови — только застывшая серая соль, спаявшая кости черепа в единый монолит.

— Шныри, — бросил Кейн, выпрямляясь. — Мелкие особи первой фазы. Они не лезут на рожон, бьют соляными шипами из вентиляционных раструбов под давлением. Если услышишь щелчок, похожий на лопнувшую струну — падай на живот. Броня «Веретена» держит осколок по касательной, но если войдет под углом в девяносто градусов — прошьет насквозь вместе с позвоночником.

Он пнул ногой пустой цинковый ящик из-под патронов. Ящик с грохотом отлетел к стене.

Из темноты тоннеля впереди, метрах в пятидесяти за стрелкой, донесся ответный звук.

Это не было рычанием или воем.

Это был сухой, визгливый шорох сотен мелких хитиновых сочленений, скребущих по мерзлому базальту. Звук походил на то, как если бы по стеклу провели связкой ржавых гвоздей. Он нарастал, эхом отражаясь от сводов штольни, приближаясь с чудовищной, неестественной скоростью.

— Трап к шестому шурфу за второй опорой справа, — Кейн вскинул карабин к плечу, расставив ноги на ширину плеч и входя в боевой упор. «Молох» за его спиной взвыл гироскопами, выравнивая горизонт. — Сирин. Не вздумай геройствовать. Твоя задача — спуститься к заслонке и завести запал. Я держу створ тоннеля.

— Я не умею геройствовать, капитан, — я встала в трех шагах левее его, уперев локоть покалеченной руки в гранитный зубец целины.

Прицельная сетка визора моментально захватила темный проем тоннеля, выделив его дрожащей зеленой рамкой:

ДИСТАНЦИЯ ДО КОНТАКТА: 42 М СКОРОСТЬ СБЛИЖЕНИЯ: 8 М/С КОЛИЧЕСТВО ЦЕЛЕЙ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО (МНОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕПЛОВЫЕ СЛЕДЫ)

Из тьмы выплеснулась первая волна.

Они не были похожи на зверей.

Это были плоские, многоногие твари размером с крупную овчарку, словно вытесанные из кусков серого речного льда и спрессованной соли. У них не было глаз — на плоских треугольных головах мерцали круглые пористые пластины, непрерывно вибрирующие и выбрасывающие в воздух тонкие струйки белесого тумана. Вместо лап — длинные, суставчатые иглы из мутного кристалла, оставлявшие на базальте глубокие белые царапины.

— Огонь! — рявкнул Кейн в проводную связь.

Карабин в моих руках вздрогнул.

Отдача крупнокалиберного патрона была свирепой — обычного человека с моей комплекцией швырнуло бы на спину, выбив плечевой сустав. Но «Веретено» приняло импульс моментально: гидроцилиндры на правом предплечье и плече сжались на полдюйма, с глухим хлопком стравив каплю масла через сальник, и ствол даже не подбросило вверх.

Тяжелая свинцовая пуля ударила точно в центр несущейся впереди твари.

Кристаллический панцирь лопнул со звуком разбитой фарфоровой тарелки. Тварь брызнула во все стороны едкой соляной жидкостью, забила на настиле, скребя воздух обрубками игл, но шедшие следом даже не замедлили ход. Они перепрыгивали через бьющегося сородича, взбирались на стены тоннеля, цепляясь когтями за трещины в камне, неслись по потолку, капая на нас черной вонючей сукровицей.

Грохот пулемета Кейна перекрыл все звуки мира.

«Молох» бил короткими, по три патрона, очередями. Каждая пуля калибра двенадцать и семь разрывала ледяных тварей на куски, превращая узкий штрек в ревущую мясорубку из базальтовой щепы, визга перебитого хитина и ядовито-белого дыма.

— Трап! — заорал Кейн сквозь грохот выстрелов, делая шаг вперед и прикрывая меня широким броневым наплечником от летящих соляных осколков. — Сирин, к трапу! Живо!

Один из кристаллов со звоном чиркнул по моему шлему, оставив на стекле глубокую царапину. Запахло озоном.

Я развернулась на сервоприводах и побежала к черной дыре аварийного люка, чувствуя, как за моей спиной закипает настоящий ад Шельфа.

ГЛАВА 7: В ЖЕРЛЕ ШУРФА

Аварийный лаз к шестому шурфу был вертикальной трубой диаметром меньше метра. Скобы, вбитые в ледяной песчаник, обледенели до толщины якорной цепи — круглые, скользкие, пахнущие горькой солью.

Я не спускалась. Я падала.

Каждые три метра сервоприводы «Веретена» вбивали пяточные шипы в ледяную корку с сухим, щелкающим хрустом. Металл держал, но встряска от каждого торможения отдавалась в затылке раскаленным гвоздем: двенадцать титановых игл Талена вибрировали в надкостнице, посылая в виски ослепляющие вспышки дуговой сварки.

ПЕРЕГРУЗКА ДАТЧИКОВ УДАРА: 4.2G ОБРАТНЫЙ ТОК ПО СЕГМЕНТУ С3: 180 МКА (ПРЕДЕЛ ПРОВОДИМОСТИ) СИНХРОНИЗАЦИЯ С «МОЛОХОМ»: 44% (УГАСАНИЕ ПРОВОДНОГО СИГНАЛА)

Сверху доносился глухой, дробный грохот: Кейн добивал ленту «Корда».

Его выстрелы звучали не как выстрелы, а как методичные удары парового молота по наковальне. Каждые две секунды сквозь узкое горло лаза пролетала ударная волна, сдиравшая со стен хлопья инея. Вместе с ними сверху падали обрубки суставчатых ледяных игл и черная, маслянистая слизь — остатки тварей, которых пули командира размазывали по сводам верхнего разъезда.

ЩЕЛК.

Сигнал связи в наушнике оборвался с противным, сухим треском. Кабель перерубило — либо соляным осколком, либо когтем одной из тварей.

Я осталась одна в колодце на глубине тридцати метров.

Шестой шурф представлял собой карстовую полость, частично укрепленную чугунами трубными еще тридцать лет назад. Здесь проходил главный отвод отработанного пара из жилых секторов.

Сейчас пара не было. Магистраль разорвало: гигантская труба толщиной в два обхвата была сплющена, словно ее сжали гидравлическим прессом. Из рваных краев хлестал мутный, белесый туман, пахнущий тухлым мылом и серным ангидридом.

И на дне шурфа этот туман шевелился.

Там, где чугунный пол переходил в природную расселину, ведущую ко Второму Уступу, поднялся нарыв.

Это не было гнездом. Это была соляная диафрагма — полупрозрачный, толщиной в фут пласт кристаллического льда, сквозь который просвечивали сотни черных, пульсирующих жил. Под диафрагмой, в полуметре под поверхностью, билась живая масса.

Десятки мелких тварей скребли лед снизу, истончая породу своими челюстями-напильниками. Они пытались пробить пробку, отделявшую нижний ад от вентиляционной шахты редута. Лед уже истончился: в центре пузыря зияла щель шириной в ладонь, из которой толчками, со свистом вырывался ледяной газ.

«Веретено» за моей спиной глухо загудело.

Каркас почуял близость первородной жилы.

Иглы в затылке вдруг перестали жечь — вместо боли пришел тяжелый, дурманящий холод. Во рту появился привкус сахара, перемешанного с мелом. Перед глазами на визоре заматались сполохи системных предупреждений:

ОБНАРУЖЕН ВНЕШНИЙ СИНХРО-ИМПУЛЬС ПОПЫТКА НЕАВТОРИЗОВАННОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ: БИОМЕХАНИЧЕСКИЙ УЗЕЛ НЕИЗВЕСТНОГО ТИПА ШУНТИРОВАНИЕ... ОТКАЗ

— Нет, тварь, — прошипела я сквозь резиновый клапан дыхательного аппарата. — Я помню, как кричал Тален.

Я заставила левую руку оторваться от холодной стали скобы.

Пальцы двигались с трудом — металл каркаса словно налился свинцовой ленью, сопротивляясь движению против источника резонанса.

Но правая рука — искалеченная, спаянная с манипулятором — не знала сомнений. Ее сервопривод взвизгнул, перемалывая густое графитовое масло. Пальцы из кованого титана рванули брезентовый подвес на моем бедре, выдернув тяжелый свинцовый пенал с термитной шашкой.

Маркировка на корпусе: «Гефест-04Л. Армейский запас. Вскрывать только при угрозе прорыва ствола».

Вес — двенадцать фунтов. Внутри — магниевое-оксидный термит, бариевый инициатор и соляной концентрат высокой очистки. Последний и делал «Гефест» страшнее обычной зажигательной шашки: при контакте с первородной жилой смесь входила с ней в резонанс и заставляла окружающий титанит отдавать накопленное тепло.

— Три метра до центра пробки, — сказала я вслух. Собственный голос в шлеме казался плоским, мертвым, как шелканье сухих костей.

Я спрыгнула с последней скобы.

Ноги впечатались в наст шурфа.

Соляная корка проломила под тяжестью «Веретена» с чавкающим, мокрым звуком. Мой левый ботинок ушел в вязкую, серую жижу по щиколотку; из пролома моментально поднялся струйный свищ серного газа, зашипевший на раскаленных радиаторах каркаса.

Диафрагма под моими ногами заходила ходуном.

Твари снизу почуяли тепло.

Сквозь мутную толщу льда я увидела десятки слепых треугольных голов, вскинувшихся навстречу. Они не стали догрызать край щели — они начали бить в лед всеми своими кристаллическими лапами одновременно.

ХРУП-ХРУП-ТРЕСК.

Трещины побежали от центра нарыва к моим ногам, как молнии по стеклу.

Из щели выметнулся первый соляной шип — прозрачный, граненый клинок толщиной в руку. Он ударил снизу вверх, целя в паховый стык брони.

«Веретено» дернуло меня вправо до того, как мозг успел отдать приказ.

Автоматика уклонения Талена сработала на чистых рефлексх погибшего носителя. Каркас выбросил левое бедро вперед, шип чиркнул по стальному набедреннику, выбив сноп рыжих искр и сорвав защитный брезентовый клапан.

Меня развернуло вокруг оси. Правая механическая рука выбросилась вперед, балансируя корпус, пальцы раскрылись и впились в мерзлый чугун вентиляционной опоры.

Шарниры выдержали. Но титановые шины в моем предплечье заскрипели — металл принял нагрузку в триста килограммов на излом.

— Запал! — гаркнула я сама себе, чувствуя, как по горлу поднимается желчь.

Левая рука нащупала латунную чеку шашки.

Чека примерзла.

Пальцы в толстой кожаной перчатке скользили по оледеневшему металлу. На нарыве позади меня лед лопнул окончательно: с фонтаном едкой серой жижи наружу вывалились первые три твари. Они не были собаками — они походили на крабов-пауков, чьи кристаллические панцири ошетились десятками тонких вибрирующих игл.

Один из них прыгнул.

Он не целился в лицо — он прыгнул на затылочный узел «Веретена», безошибочно определяя источник энергии.

Я не успевала развернуть карабин.

Я просто зажала латунное кольцо чеки зубами сквозь резину маски, рванула голову назад всем корпусом и одновременно выставила правый манипулятор навстречу летящей твари.

ХРЯСЬ.

Зубы заныли от удара — резина фильтра треснула, на язык брызнул горький вкус медного сплава и пороха. Кольцо вылетело. На торце термитного цилиндра зашипел зеленый химический фитиль:

ВРЕМЯ ДО ВОСПЛАМЕНЕНИЯ: 8 СЕКУНД.

А механическая кисть в ту же секунду сомкнулась на треугольной голове твари.

Это было похоже на то, как раздавить пальцами кусок сухого хозяйственного мыла, внутри которого спрятан битый гравий. Кристаллический панцирь лопнул. Жижа — холодная, жгучая, как концентрированная серная кислота — брызнула сквозь сочленения моих стальных пальцев, заливая предплечье.

Тварь забилась в судорогах, ее соляные иглы с визгом забарабанили по нагрудной пластине «Веретена», сдирая краску до белого металла.

Вторая тварь вцепилась мне в левую голень.

Ее челюсти-напильники сомкнулись на ахилловом сухожилии. Брезент штанов лопнул, острые грани соли вошли в живое мясо на дюйм, вырывая кусок мышцы.

Боль была такой дикой, что перед глазами все полыхнуло багровым. Но сервопривод голени не дал ноге подогнуться: доспех заблокировал колено механическим клином, превратив ногу в негибаемую сваю.

— Жри, падаль! — заорала я, разжимая зубы и выплевывая разбитый фильтр.

Я не стала бросать термитную шашку в щель.

Если бросить ее на лед, она прожжет дыру и упадет в бездну, не запечатав створ. Ее нужно было вбить в распор — между чугунной рамой заслонки и базальтовым монолитом шурфа.

С висящей на ноге тварью, волоча раздробленную икру, я сделала два шага вперед.

Каждый шаг взрывался в позвоночнике волной обратного импульса. «Веретено» выло, датчики перегрузки захлебывались, но титановый гребень толкал тело вперед с неумолимостью шатуна.

Пять секунд.

Я вогнала цилиндр «Гефеста» прямо в зев трещины — туда, откуда валил самый плотный пар.

Титановые пальцы правой руки вдавили шашку на полметра вглубь соляной каши, а затем я заклинила ее сверху обломком чугунной трубы, валявшимся под ногами.

Три секунды.

Тварь на моей ноге дернулась — я подняла карабин левой рукой, уперла ствол прямо в ее кристаллическую спину и нажала на спуск.

БАХ.

Тяжелая свинцовая пуля разнесла тварь в пыль. Нога освободилась, но из разорванной икры хлынула темная кровь, густо паря на холодном воздухе и мгновенно схватываясь по краям раны.

— Назад! — закричал внутри черепа чей-то голос. Не Кейна. Мой собственный.

Я упала навзничь, вбив оба локтя в ледяной наст за базальтовым выступом и закрыв голову согнутыми руками.

ВСПЫШКА.

Термит не взорвался грохотом. Он вспыхнул звуком гигантской паяльной лампы: *ВЖ-Ж-Ж-О-О-У-Х.*

Белое, ослепляющее пламя температурой в три тысячи градусов ударило во все стороны.

Соляной нарыв не растаял — он закипел. Толща соли и раздробленного базальта вокруг пробки пошла белым расплавом; метан в трещинах вспыхнул короткими голубыми языками. Огненная волна лизнула мои наголенники, краска на «Веретене» вздулась и осыпалась черными хлопьями, но чугунный козырек заслонки выдержал.

Жидкий базальт, кипя и пузырясь, затек во все щели карстового провала, намертво сваривая створ шестого шурфа в сплошной, остекленевший монолит.

В шурфе стало жарко, как в котельной бронепоезда.

Воздух выгорел за две секунды. Я лежала на спине, сжимая карабин обгорелой механической рукой, и судорожно хватала ртом раскаленный серный чад через разбитый фильтр шлема.

Сверху, из трубы аварийного лаза, донесся тяжелый металлический грохот.

Кто-то падал вниз. Не тормозя на скобах. На чистой массе.

ГЛАВА 8: ОБРАТНЫЙ УДАР

«Молох» Кейна врезался в дно шурфа с силой сорвавшейся вагонетки.

Удар сотряс базальтовый пол; раскаленная корка свежего базальтового стекла под его ногами затрещала, паутиной трещин разойдясь от кованых ботинок.

Он не удержался на ногах — осадный каркас потерял центровку. Кейн завалился на правый бок, сшибив плечом чугунную стойку подъемника, и проехался по горячему шлаку на животе, высекая снопы рыжих искр из бронеплит.

Его шлем был сорван.

Вместо защитного триплекса на голове командира остался лишь перекрученный обруч с ошметками резинового воротника. Лицо Кейна было черным от копоти и свежей крови: осколок кристаллической иглы распорол ему правую бровь, обнажив надбровную дугу до белой кости.

Кровь заливала его единственный зрячий глаз, он моргал, отплевываясь черной слюной.

— Заслонка... — прохрипел он в горячий пар, шаря руками по насту. — Сирин... где шашка?..

— Запеклась, — я попыталась подняться, но поврежденная левая нога отозвалась острой вспышкой боли в икре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.